

ПАЗЛОВОЕ КОДИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМ НАСИЛИЯ

Шокирующее
расследование
школьных трагедий —
спасите своих детей
от цифрового яда!

Доминик Фрост

Пазловое кодирование

Механизм насилия

Доминик Фрост

Эта книга — попытка заглянуть в бездну, которая смотрит на нас с экранов гаджетов наших детей. Это не просто хроника школьных расстрелов. Это расследование механизма, который превращает одиночество в оружие, а подростковую депрессию — в алгоритм уничтожения. Основано на реальных событиях, статистических данных и интервью, но имена героев изменены ради безопасности живых и покоя мертвых.

Оглавление

Пролог. Звонок

Часть I. Диагноз

Глава 1. Арифметика скорби

Глава 2. Заражение

Глава 3. Инкубаторы «чужих»

Глава 4. Вирусный бог

Часть II. Механизм

Глава 5. Анатомия щелчка

Глава 6. Уроки ненависти

Глава 7. Запертая комната

Глава 8. Тихий океан боли

Часть III. Исцеление

Глава 9. Биржа слез

Глава 10. Протоколы тишины

Глава 11. Ошибка кода

Глава 12. Перекрёсток

Эпилог. Сбой в матрице

Список литературы и источников

Пролог. Звонок

3:17 утра. Редакция. Дождь.

Телефон зазвонил именно тогда, когда я уже почти убедил себя, что тишина — это единственная правда в этом городе. Звонок был не резким, а каким-то виноватым, коротким, словно тот, кто нажимал на кнопку, в последнюю секунду передумал. Но я снял трубку. Рефлекс. Проклятие профессии — отвечать, даже когда отвечать нечего.

— Они не сумасшедшие, — голос на том конце провода был ломким, подростковым. Мальчишеский тенор, срывающийся в шепот. — Вы пишете, что они психи. Что их травили. Что они просто хотели славы. Но это не так.

Я молчал. За двадцать лет в журналистике учишься одному: если кто-то говорит в три утра, не перебивай.

— Мы не больные, — продолжал голос. — Нас просто... собрали. Как конструктор. Вы понимаете?

— Кто «вы»? — наконец спросил я, чувствуя, как холодок ползет по спине, прогоняя сонливость.

— Те, кто смотрит в экраны. Те, кто читает ваши новости. Те, кто видит, как вы делаете из убийц рок-звезд, даже когда пытаетесь их осудить. Я нашел ваш номер в базе. Я читал вашу статью про 2023-й год. Про рекордные цифры. Вы там назвали это «эпидемией». Красивое слово. Но эпидемия — это биология. А здесь... здесь алгоритм.

— Ты хочешь сказать, что это спланировано?

— Не так, как вы думаете. Нет никакого «Доктора Зло» в бункере. Есть просто шум. Миллионы фрагментов. Картинка в ТикТоке, заголовок в новостях, мем в закрытом чате, комментарий под видео. По отдельности — мусор. Но если у тебя внутри пустота... если тебе пятнадцать, и ты один... эти кусочки начинают складываться сами. Щелк. Щелк. Щелк. И

вдруг ты видишь картину. И в этой картине у тебя в руках винтовка. Это называется «пазловое кодирование». Мы все — просто набор пазлов, которые кто-то рассыпал по сети.

Связь оборвалась. Короткие гудки звучали как удары молотка по крышке гроба. Я посмотрел на погасший экран смартфона. За окном дождь смывал грязь с асфальта, но я знал, что никакая вода не сможет смыть то, что я только что услышал.

Я открыл ноутбук. На экране светился черновик отчета по школьной стрельбе за последние тридцать лет. Сухие цифры. Графики. Столбцы жертв. До этого звонка они казались мне статистикой. Теперь они выглядели как машинный код.

«Пазловое кодирование».

Если он прав, то мы все — соучастники. Мы, пишущие об этом. Мы, читающие об этом. Мы, позволяющие алгоритмам кормить наших детей ядом по чайной ложке в час, пока доза не станет смертельной.

Я должен понять, как работает этот механизм. Не ради сенсации. А ради того парня, который, возможно, прямо сейчас сидит в темноте, а в его голове со щелчком встает на место последний фрагмент кровавой мозаики.

Часть I. Диагноз

Глава 1. Арифметика скорби

Когда вы открываете утреннюю газету и видите заголовок «Очередная стрельба в школе», ваш мозг, скорее всего, рисует одну и ту же картину: вооруженный до зубов подросток, черная одежда, коридоры, крики. Это — архетип, выжженный в нашем коллективном бессознательном трагедией «Колумбайн». Но реальность гораздо страшнее, потому что она будничнее. И намного масштабнее.

Чтобы понять, что происходит с нашими школами, нужно сначала договориться о терминах. И здесь начинается первая проблема. Если вы спросите ФБР, сколько школьных расстрелов произошло в 2022 году, они ответят: «Четыре». Если вы спросите Дэвида Ридмана, создателя самой полной базы данных K-12 School Shooting Database, он скажет: «Триста три».

Разница в семьдесят пять раз. Как такое возможно?

Война дефиниций

Проблема кроется в оптике. Правительственные отчеты, такие как доклады NCES (Национальный центр статистики образования) и ФБР, используют термин «Active Shooter» (Активный стрелок). Это узкое, почти стерильное определение: «одно или несколько лиц, активно пытающихся убить людей в густонаселенной зоне». Сюда не попадают случайные выстрелы, самоубийства в туалете, разборки банд на школьной парковке после уроков или инциденты, где стрелок просто размахивал пистолетом, но никого не убил.

Для бюрократии это логично. Для родителя, чей ребенок прячется под партой, пока в коридоре гремят выстрелы, эти нюансы не имеют значения.

Альтернативу предлагают независимые исследователи, такие как группа Everytown for Gun Safety и проект Дэвида Ридмана. Они используют термин «Gunfire on School Grounds» (Стрельба на территории школы). Их формула проста и безжалостна: если на территории школы прозвучал выстрел, если пуля попала в здание, или если оружие было использовано для угрозы — это школьная стрельба. Это инцидент, который разрушает чувство безопасности.

И если смотреть через эту оптику, то мы увидим не отдельные вспышки безумия, а системную, нарастающую войну.

Хроника падения (1995–2025)

Давайте пройдемся по шкале времени. Это не просто даты. Это кардиограмма умирающего спокойствия.

1995–2013: Эпоха «до» и «после»

В 1999 году произошел «Колумбайн». Это была точка невозврата, нулевой пациент медийного вируса. Но, глядя на данные ретроспективно, мы видим, что вплоть до 2013 года статистика вела себя относительно стабильно. Всплески были, но они казались аномалиями. Мы еще верили, что это «единичные случаи».

2013–2017: Накопление критической массы

Everytown начинает свой детальный трекинг в 2013 году. Графики начинают ползти вверх. Оружие становится доступнее, соцсети — агрессивнее.

2017–2018: Первый большой взрыв

2018 год стал годом крови. Паркленд, Санта-Фе. По данным NCES, в этот год зафиксировано 81 пострадавший (убитые и раненые) только в инцидентах с активными стрелками. Это был сигнал тревоги, который мы,

как общество, услышали, но не поняли. Мы начали спорить о дверных замках и прозрачных рюкзаках, упуская суть.

2020: Тишина

Пандемия COVID-19. Школы закрылись. Графики рухнули вниз. Неделя образования зафиксировала всего 10 инцидентов со смертями или ранениями. Это был единственный год, когда школы стали безопасными — просто потому, что в них не было детей. Но, как оказалось, изоляция лишь сжала пружину.

2021–2024: Исторический шторм

Когда дети вернулись в классы, пружина разжалась.

- 2021 год: Резкий скачок. 249 инцидентов по базе Ридмана.
- 2022 год: Рост продолжается. 327 инцидентов.
- 2023 год: Абсолютный исторический рекорд. 349 инцидентов. Почти по одному на каждый день года. Everytown фиксирует рост на 31% по сравнению с предыдущим учебным годом.
- 2024 год: 330 инцидентов. Второй по величине показатель с 1966 года.

Что это значит? Это значит, что исключение стало нормой. Стрельба в школе перестала быть событием «раз в поколение». Она стала фоновым шумом, как прогноз погоды. По данным CDC, в этот период огнестрельное оружие стало основной причиной смерти американских детей и подростков (1–19 лет), обогнав ДТП. Вдумайтесь: машина, многотонный кусок железа, убивает реже, чем пуля.

- 2025: Иллюзия затишья?

На момент написания этих строк (конец 2025 года) мы видим некоторое снижение. База K-12 SSDB сообщает о 209 инцидентах к ноябрю. Спад на 22.5% по сравнению с пиком. Оптимисты скажут: меры безопасности работают. Пессимисты, вроде меня, посмотрят на график

шире: эти «низкие» показатели 2025 года все равно вдвое выше, чем уровень 25-летней давности. Мы стабилизировались на уровне катастрофы.

Человеческий фактор

За этими цифрами теряется главное. Мы считаем трупы, но не умеем считать искалеченные души. Everytown дает пугающую статистику: в 2024 году более 31 000 детей были непосредственно затронуты вооруженным насилием в школах. Это не просто те, в кого попали. Это те, кто сидел за закрытой дверью, зажимая рот ладонью, чтобы не закричать. Те, кто видел кровь в коридоре. Те, кто отправлял прощальные смс родителям.

В психологии есть термин «поливиктимизация». Ребенок, переживший насилие (или угрозу насилия) один раз, становится уязвим для повторения. Травма меняет структуру мозга. Она переписывает код.

Статистика — это не просто математика. Это отчет о том, как мы, взрослые, провалили свою главную миссию: защитить потомство. Мы построили заборы, поставили металлодетекторы, вооружили охранников. Но мы пропустили врага, который прошел не через двери, а через оптоволоконный кабель.

Глава 2. Заражение

«Если это можно показать, это можно повторить».

Почему они это делают? Этот вопрос задают на каждой кухне, в каждой телестудии, в каждом полицейском участке после очередной

трагедии. И каждый раз общество достает из кармана привычный набор ответов, как заезженную колоду карт.

Традиционная триада:

- Буллинг. «Его травили, он сломался». Да, большинство стрелков (около 71%) чувствовали себя изгоями. Но миллионы детей подвергаются травле и не берут в руки AR-15.

- Психические расстройства. «Он был психом». Удобное объяснение. Оно отделяет «нас» (нормальных) от «них» (больных). Но исследования показывают, что большинство людей с диагнозами не агрессивны. Стрелки часто действуют хладнокровно, расчетливо, демонстрируя пугающую рациональность при планировании.

- Доступ к оружию. «Слишком легко купить ствол». Безусловно, это фактор. Исследования Reeping et al. (2022) показывают прямую корреляцию: в штатах со менее строгими об оружии школьных стрельб больше. Но оружие — это инструмент, а не мотив. Пистолет не стреляет сам по себе. Ему нужен палец на спусковом крючке и приказ от мозга.

Эти ответы верны, но неполны. Они объясняют условия, но не причину эпидемии. Чтобы понять природу современного всплеска, нужно смотреть не в медицинскую карту, а в ленту новостей.

Медийное заражение (The Contagion Effect)

В эпидемиологии есть понятие «индекс репродукции вируса». В криминологии школьных расстрелов этот индекс тоже существует. Исследования, проведенные Towers et al. (2015) и позже подтвержденные данными 2020-х годов, выявили пугающую закономерность: массовые убийства заразны.

Это называют «Эффектом Вертера» цифровой эпохи.

- Временное окно: Риск повторного инцидента («копирования») максимально высок примерно в течение 13 дней после резонансной стрельбы.

- Коэффициент заражения: Каждый крупный инцидент провоцирует в среднем 0.22–0.30 новых инцидентов.

Как это работает? Представьте подростка. Он одинок, зол, чувствует себя невидимым. Он — никто. И вдруг по всем каналам, во всех лентах соцсетей он видит Его. Стрелка. Его имя повторяют миллионы раз. Его фото — на всех экранах. Его манифест разбирают на цитаты. Он был никем, а стал богом разрушения. Он получил то, чего жаждет любой подросток: внимание, славу, бессмертие, пусть и чудовищное.

Медиа, в погоне за рейтингами (принцип "If it bleeds, it leads" — «Если есть кровь, это идет в передовицу»), непреднамеренно создают инструкцию по достижению величия для маргиналов. Это и есть механизм заражения.

Беседы с экспертами: Взгляд внутрь черепной коробки

В ходе расследования я встретился с доктором Л., нейробиологом, консультирующим профильные ведомства. Мы сидели в пустой аудитории университета, и он чертил схемы на доске.

— Вы слышали про зеркальные нейроны? — спросил он, не оборачиваясь.

— Это то, что заставляет нас зевать, когда зекает другой?

— Грубо говоря, да. Это основа эмпатии и обучения. Когда вы видите действие, ваш мозг активирует те же зоны, как если бы вы делали это сами. У взрослых префронтальная кора обычно тормозит этот импульс. Она говорит: «Это кино, это новости, не делай так». У подростка префронтальная кора еще не сформирована. Тормоза не работают.

Он резко повернулся. — А теперь представьте, что мы скармливаем этому мозгу терабайты насилия. Видео от первого лица. Стримы убийств. Героизацию стрелков в ТикТоке. Это может быть тренировкой внимания и эмоций на самом тёмном контенте. Мозг учится — и иногда учится не тому. Граница между экраном и школьным коридором стирается. Диссоциация — отчуждение от реальности — становится их естественным состоянием.

Гипотеза «Пазлового кодирования»

Здесь мы подходим к главной теории, которую сейчас обсуждают независимые аналитики. Официально ее боятся признать, потому что она пугает своей сложностью.

Что, если никакого единого «центра управления» нет, но результат тот же, как если бы он был?

Гипотеза «Пазлового кодирования» гласит: индоктринация современного подростка происходит не через прямые приказы («Иди и убей»), а через фрагментацию. Информационная среда насыщена микро-стимулами. К примеру, это может выглядеть так:

- Пазл 1: Дегуманизация. Мемы, где одноклассники изображаются как «NPC» (неигровые персонажи), биомусор.
- Пазл 2: Эстетика насилия. Фан-арт, посвященный стрелкам из «Колумбайна». Стильная одежда, музыка (Phonk), визуальные коды.
- Пазл 3: Ощущение избранности. Конспирологические теории, дающие чувство тайного знания.
- Пазл 4: Инструкции. Доступные схемы оружия, планы зданий, тактика «активного стрелка».

По отдельности эти элементы могут казаться безобидным интернет-мусором. Но попадая в психику уязвимого подростка (того самого, с

несформированными «тормозами» и активными зеркальными нейронами), они самоорганизуются в часть программы будущих действий.

По данным Everytown, к 30 сентября 2024 года было как минимум 160 случаев. Это не просто вспышки ярости. Это результат работы гигантского, децентрализованного конвейера по производству трагедий, работающего на топливе лайков, репостов и нашего равнодушия.

Мы боремся с последствиями — ставим бронированные двери. Но враг уже внутри. Он зашифрован в пикселях на экране смартфона, который ваш ребенок держит под подушкой.

Глава 3. Инкубаторы «чужих»

Юридическая слепота

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) завален делами, которые читаются как хроники средневековья, переписанные на канцелярит. Дело «D.H. and Others v. the Czech Republic» стало хрестоматийным. Оно касалось сегрегации цыганских детей (рома) в специальные школы для детей с лёгкими интеллектуальными нарушениями — на практике с непропорциональным попаданием туда ромских учеников. Но механизм тот же: система маркирует ребенка как «дефектного» на основе его происхождения или социального ярлыка.

В разговоре с правозащитниками в Страсбурге мне показали документы. В школьных программах некоторых стран под видом «светскости» или «безопасности» внедряется нарратив, делящий граждан на «традиционных» (безопасных) и «нетрадиционных» (потенциально опасных).

— Это создает в голове подростка бинарную картину мира, — объяснял мне юрист, специализирующийся на 9-й статье Конвенции. —

Или ты с нами, или ты враг. Нюансы исчезают. Если подросток сам чувствует себя изгоем, он либо принимает роль жертвы, либо...

— Либо он решает, что раз он «монстр», то должен вести себя как монстр? — предположил я.

— Именно. Это называется «самосбывающееся пророчество». Если вы долго кричите ребенку, что он часть деструктивной силы, однажды он захочет продемонстрировать вам эту силу.

Тень прошлого

Работая с архивами, я наткнулся на пугающие параллели. В базе данных Мемориального музея Холокоста (USHMM) хранятся примеры учебных пособий 1930-х годов. Книга «Der Giftpilz» («Ядовитый гриб») использовалась в немецких школах не для того, чтобы учить убивать, а чтобы учить распознавать «внутреннего врага».

Современные лекции о «деструктивных культах» в школах, разумеется, не призывают к геноциду. Они упакованы в слова о защите ментального здоровья. Но социально-психологический риск схож: дегуманизация.

Когда одноклассник перестает быть «Петером» или «Иваном» и становится «сектантом», «фанатиком» или «психом», моральный барьер на применение насилия снижается. Эмпатия отключается. Внимание и сочувствие перестают включаться на «чужого» как на человека.

Система, призванная защищать общество, сама создает трещины, в которые проваливаются самые уязвимые. И в этой темноте, на дне изоляции, они находят не помощь, а смартфон. А там их уже ждут другие учителя.

Глава 4. Вирусный бог

«Если вы хотите остановить эпидемию самоубийств, не превращайте смерть в спектакль и не романтизируйте самоубийцу».

Я смотрю на экран своего монитора в редакции. На нем открыта аналитика посещаемости нашего сайта за прошлый месяц. Самый высокий пик — 14 мая. День очередной стрельбы. Мы, журналисты, любим говорить, что наша работа — информировать. Но когда я смотрю на эти графики, я вижу другое: мы продаем смерть. И бизнес идет хорошо.

Олимпийский парадокс

Представьте себе Олимпиаду. Мы показываем чемпионов. Мы рассказываем их биографии: как они тренировались, как страдали, как шли к золоту. Мы делаем это, чтобы вдохновить молодежь заниматься спортом. И это работает. А теперь представьте, что мы с тем же пафосом, с той же детализацией, с тем же охватом рассказываем о человеке, который зашел в школу с винтовкой. Мы публикуем его манифест (его «тренировочный план»). Мы постим его фото с оружием (его «пьедестал»). Мы анализируем каждый его шаг (его «технику»).

Что мы делаем на самом деле? Мы вдохновляем молодежь заниматься массовыми убийствами.

Я уже упоминал «эффект заражения». Но важно понять внутреннюю логику этого процесса. Доктор Дженнифер Джонстон из Western New Mexico University называет это «медийным заражением». В её работах и интервью говорилось о статистически наблюдаемой связи между масштабом внимания и риском последующих атак — особенно когда медиа создают преступнику образ. По её данным, идентификация со стрелком становится вероятнее, если зритель видит в нем схожие черты: обиду, одиночество, желание отомстить миру.

Внутренний монолог новостника

Я помню тот день, когда мы верстали полосу о Паркленде. Главный редактор требовал фото стрелка на первую полосу.

— Это лицо зла! — кричал он. — Люди должны видеть врага! Я спорил. Я говорил про рекомендации ФБР, про кампанию No Notoriety («Никакой славы»). Я говорил, что публикуя его имя, мы даем ему то, ради чего он убивал. Бессмертие. Но фото пошло в печать. Тираж был раскуплен.

В ту ночь я не мог уснуть. Я думал о парне в каком-нибудь подвале в Огайо или Туле. Он смотрит на это фото. Он видит не монстра. Он видит неудачника, который вдруг стал Самым Главным Человеком в Море. И он думает: «Если они запомнили его, они запомнят и меня».

Геймификация зла

Интернет пошел дальше газет. В закрытых чатах (ТГ, Discord, имиджборды) стрельба превращена в мем, в видеоигру. Существует понятие «High Score» (Счет). Подростки обсуждают количество жертв так, словно речь идет о баллах в Call of Duty. — «Этот набил 12 фрагов. Слабак». — «А тот — 32. Легенда».

Эстетика «Колумбайна» в отдельных онлайн-сообществах (ТСС — True Crime Community) стала визуальным кодом. Плащи, определенные марки ботинок, музыкальный жанр Phonk, наложенный на кадры с камер наблюдения. Это больше не трагедия. Это контент. Стильный, вирусный контент, который алгоритмы ТикТока и Ютуба периодически пытаются чистить, но он снова и снова всплывает в новых обложках и нарезках.

Мы создали систему, где убийство — это самый короткий социальный лифт. Самый быстрый способ превратиться из «нуля» в «единицу». И

каждый раз, когда я пишу статью с заголовком «Имя стрелка и подробности его жизни», я нажимаю кнопку вызова этого лифта.

Часть II. Механизм

Глава 5. Анатомия щелчка

«Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» — Ф.М. Достоевский

Мы разобрали внешние слои: школьную стигматизацию и медийную накачку. Но как эти внешние сигналы превращаются во внутренний императив? В какой момент нейроны выстраиваются в смертельную конфигурацию?

Я вернулся к доктору Л., нейробиологу. На этот раз мы говорили не о статистике, а о механике души, сведенной к электрическим импульсам.

Теория зеркала

— Проблема не в агрессии, — сказал доктор, рисуя на доске контур человеческого мозга. — Агрессия есть у всех. Проблема в имитации. Он обвел зону в лобной доле. — Зеркальные нейроны. Эволюционный подарок. Благодаря им мы учимся ходить, говорить, улыбаться, глядя на маму. Они копируют увиденное поведение и «проигрывают» его в нашем мозгу. Обычно это безопасно, но есть нюанс.

У подростков (до 25 лет) префронтальная кора — «директор» мозга, отвечающий за контроль импульсов и понимание последствий — еще не созрела. Газ в пол, а тормоза еще на заводе.

— Теперь следите за руками, — доктор Л. стал говорить быстрее. — Подросток изолирован (спасибо школе). Он обижен. Он погружается в сеть. Там он видит «Героя» (спасибо медиа). Его зеркальные нейроны начинают «зеркалить» стрелка. Он смотрит видео от первого лица. Его мозг физически тренируется нажимать на курок, хотя руки лежат на клавиатуре. Это не метафора. На снимках МРТ видно: мозг геймера, играющего в шутер, и мозг человека, стреляющего в тире, светятся почти одинаково.

Четыре стадии кодирования

Основываясь на анализе десятков «манифестов» и историй болезни, эксперты-бихевиористы (в частных беседах, так как официально эта теория слишком пугает своей фатальностью) выделяют некоторые стадии «Пазлового кодирования»:

- Фрагментация (The Shattering): Личность подростка раскалывается под давлением среды (буллинг, антикульт прессинг, семейные проблемы). Возникает вакуум идентичности. «Я никто».
- Посев (Seeding): Алгоритмы заполняют вакуум «пазлами».
- Кристаллизация (The Lock): Тот самый «Щелчок». Момент, когда разрозненные пазлы складываются в картинку.
- Активация (Trigger): Нужен лишь малый толчок для запуска.

Смерть свободной воли?

Самое страшное в этой теории — вопрос, который она ставит перед нами. Перед судом, перед Богом, перед совестью. Если личность убийцы

была собрана, как конструктор LEGO, из деталей, разбросанных нами — обществом, школой, журналистами, — то, где заканчивается его вина и начинается наша?

Я спросил об этом доктора Л. Он помолчал, стирая с доски схему мозга, пока она не превратилась в серое облако меловой пыли. — Знаете, в чем трагедия? — тихо сказал он. — В том, что даже понимая механизм, мы не можем его просто выключить. Мы не можем запретить зеркальные нейроны. Мы не можем удалить интернет. Мы создали среду, в которой насилие стало языком общения. А потом удивляемся, что наши дети выучили этот язык в совершенстве.

Он прав. Пазл складывается сам. Но кто-то же рассыпал эти детали на столе?

Глава 6. Уроки ненависти

Институциональная стигматизация и педагогика исключения

Если предыдущие главы говорили о том, как сеть ловит души, то эта глава — о том, как школа выгоняет их на мороз, прямо в расставленные сети.

Мы привыкли думать о школе как о храме знаний. Но для ребенка, который хоть на миллиметр отличается от стандарта — ростом, весом, акцентом или, что страшнее всего, верой родителей, — этот храм превращается в трибунал. И судьи здесь не сверстники. Сверстники — лишь исполнители приговора. Судьи — это те, кто стоит у доски.

Протокол исключения

Я сижу в маленькой кухне на окраине города. За окном серый бетонный пейзаж, типичный для любого спального района от Варшавы до Огайо. Напротив меня — Лукас. Ему шестнадцать, но в его глазах такая древняя усталость, какая бывает у стариков, переживших войну. Он не стрелок. Он тот, кого могли бы сделать стрелком, если бы у него оказалась слабее воля или жестче сердце.

— Все началось с урока гражданского воспитания, — говорит Лукас, глядя в чашку с остывшим чаем. — К нам пришел эксперт. «Специалист по ментальной безопасности», так его представила директриса. Он был в хорошем костюме, улыбался. Он включил проектор.

На экране появились схемы. Слова: «Тоталитарные культы», «Зомбирование», «Фанатизм».

— Он говорил правильные вещи, — продолжает мальчик. — Что нужно думать своей головой. Что нельзя отдавать деньги мошенникам. Но потом он начал перечислять... Он не называл фамилии. Он называл признаки. «Если ваши родители запрещают вам читать Гарри Поттера — это секта». «Если они заставляют вас молиться перед едой — это психологическое насилие». «Если они не празднуют Хэллоуин — они опасные маргиналы».

Лукас сжимает чашку так, что белеют костяшки пальцев.

— Я сидел в третьем ряду. Мои родители — пятидесятники. Мы молимся перед едой. Мы не празднуем Хэллоуин. Я почувствовал, как спина горит. Я знал, что весь класс смотрит на мой затылок. Эксперт не сказал: «Бейте Лукаса». Он просто нарисовал мишень у меня на спине. Он научно доказал, что я — «Чужой». Что я — ошибка системы.

Тень «Ядовитого гриба»

Вернувшись в редакцию, я поднял архивы, на которые ссылались мои консультанты из правозащитных групп. Параллели, которые я обнаружил,

заставили меня содрогнуться. То, что Лукас называл «профилактикой», история называет индоктринацией.

В базе данных Мемориального музея Холокоста (USHMM) хранится страшная детская книга 1938 года — Der Giftpilz («Ядовитый гриб»). Это не был манифест убийц. Это была педагогическая сказка. В ней учитель объяснял немецким детям, как отличить съедобный гриб от ядовитого, и плавно переводил аналогию на людей. Евреев не призывали убивать в этих книгах напрямую. Их учили распознавать как чужеродный элемент, опасный для здоровья «нормального» общества.

Сегодняшние методички по «антисектанскому просвещению», используемые в ряде европейских школ (о чем свидетельствуют дела в ЕСПЧ, например, Grzelak v. Poland или кейсы FECRIS), работают по той же когнитивной схеме.

- Нормализация: Есть «Мы» (светские, традиционные, правильные).
- Патологизация: Есть «Они» (верующие иначе, замкнутые, «странные»). Они — вирус.
- Дегуманизация: «Они» не имеют личности, они — марионетки своих «гуру» или «диагнозов».

Когда авторитет — учитель — маркирует группу детей как «потенциально опасных» или «психологически поврежденных», он снимает с класса моральный запрет на насилие. Буллинг перестает быть хулиганством. Он становится санитарной мерой.

Диалог с совестью

— Поймите, — говорил мне Лукас, наконец подняв глаза. — Когда тебя каждый день называют зомби, когда учитель биологии шутит над твоим крестиком, а школьный психолог спрашивает, не бьют ли тебя дома Библией... ты начинаешь в это верить. Ты начинаешь думать: «Может, я

правда монстр?». А если я монстр, то почему я должен жалеть людей? Монстры не жалеют.

Здесь кроется самый страшный элемент «пазлового кодирования». Система, призванная защищать детей от экстремизма, сама создает идеальную почву для него. Она выталкивает ребенка в вакуум одиночества. И там, в темноте, к нему приходят другие «учителя» — из ТикТока и даркнета. Они говорят: «Ты не больной. Ты — избранный. Они смеялись над тобой? Покажи им, как ты умеешь смеяться последним».

Мы создаем гетто внутри школьных стен. А потом удивляемся, почему из этого гетто начинают стрелять.

Глава 7. Запертая комната

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Фридрих Ницше.

Я держу в руках стенограмму допроса. Сухие строки, напечатанные на дешевой бумаге. Объект: N. Возраст: 15 лет. Обвинение: массовое убийство.

Стенограмма № 14-В (Фрагмент)

Следователь: Зачем ты пошел в школу в тот день?

Объект: Был квест.

Следователь: Какой квест? Кто дал задание?

Объект: (Молчание). Не задание. Просто... полоска заполнилась.

Следователь: Какая полоска? Ты о чем?

Объект: Шкала ярости. Как в Doom. Я должен был обнулить счетчик. Они были как NPC (неигровые персонажи). Они просто ходили, шумели. Я хотел тишины.

Следователь: Ты понимаешь, что они мертвы? Что ты убил живых людей?

Объект: (Смешок). Нет никаких живых. Все — текстуры. Я просто вышел из матрицы.

Читая это, я чувствую тошноту. Не физическую, а метафизическую. Передо мной не раскаяние Раскольникова. Передо мной — пустота. Полное отсутствие субъектности. Он говорит фразами из форумов, мемами, обрывками стримов. В нем нет Его. В нем есть только Код.

Гипотеза регрессии

Я встретился с доктором Вайсман, клиническим психологом, работающим с несовершеннолетними преступниками в закрытых учреждениях. Она выглядит уставшей, седые пряди выбиваются из прически. Она курит одну за одной сигарету, хотя в кабинете висит знак запрета.

— Мы пытались, — говорит она, выпуская дым в потолок. — Мы пробовали регрессивный гипноз. Мы хотели найти момент травмы. Точку слома.

— И что вы нашли?

— Ничего. И всё сразу.

Она достает папку.

— Проблема в том, что данные защищены. Я не знаю как, но кто-то поставил код на его память. Проблема в том, что данные в его защищены.

— Они врут?

— Хуже. Они верят в это. Их мозг так долго потреблял контент о насилии, конспирологии, мистике, что реальные воспоминания смешались с цифровыми. Это называется «имплантированная память». Мы ищем причину в их детстве, а причина — в их ленте рекомендаций за последний год или два. «Пазл» сложился так плотно, что швов не видно. Мы не можем отделить мальчика от алгоритма. Здесь нужен специалист другого уровня, чтобы вскрыть код и добраться до правды.

Слеза ребенка или маска зверя?

И здесь передо мной, как перед журналистом и человеком, встает стена. Великая стена Достоевского. Иван Карамазов готов был вернуть билет Богу за одну слезинку замученного ребенка. Но что делать, если этот ребенок — палач?

Я смотрю на фото стрелка. Прыщавое лицо, растерянный взгляд. Не монстр. Обычный пацан, каких тысячи. Если теория «пазлового кодирования» верна, то он — такая же жертва. Жертва технологии расчеловечивания, которая работала над ним 24/7. Его мозг, с его незрелой префронтальной корой, был взломан. Его воля была подменена императивом подражания.

Означает ли это, что он невиновен? Нет. Он нажал на курок. Но означает ли это, что виновен только он?

Я пытаюсь найти в себе сострадание. Я пытаюсь увидеть в нем человека. Но я вижу лишь 8 трупов, которые он оставил за собой. И я понимаю страшную вещь: эмпатия имеет предел. Когда человека превращают в функцию уничтожения, обратный процесс в данном случае, возможно, уже неосуществим. Мы ищем в них душу, а находим лишь битые пиксели. И это, пожалуй, самый страшный приговор нашему времени. Мы научились создавать вещи, которые нельзя починить. И людей, которых

нельзя простить. Но я также понимаю, что он тоже жертва, жертва изощренной манипуляции.

Глава 8. Тихий океан боли

«Пуля убивает одного. Эхо выстрела убивает сотни».

Гробы можно посчитать, занести в таблицу, построить график. Один, два, десять. Но как посчитать тех, кто выжил, но перестал жить?

Арифметика выживания

Федеральные отчеты об индикаторах школьной безопасности фиксируют общую картину, но если открыть трекинг инцидентов со стрельбой на территории школ у Everytown (Gunfire on School Grounds) и данные Дэвида Ридмана (K-12 School Shooting Database), открывается бездна, которую многие предпочитают не замечать.

В 2024 году речь шла примерно о 31 000 детей, «затронутых» школьной стрельбой (children affected) — это население небольшого города.

Города детей, которые могли видеть кровь, слышать крики, прятаться в шкафах, писать прощальные смс мамам. Что происходит с ними потом, когда камеры уезжают, а полицейские ленты срывают?

В научной литературе используется термин «поливиктимизация» — опыт множественных видов виктимизации, травм (не один эпизод, а «пучок» разных воздействий), который заметно ухудшает прогноз для психики.

Это состояние, когда психика ребенка, однажды пробитая страхом, может стать более уязвимой к последующим травмам.

— Это как трещина в плотине, — объяснял мне детский психиатр. — Сначала просто страх громких звуков. Потом панические атаки. Потом хроническая депрессия. А потом...

А потом цифры начинают говорить о том, о чем молчат в новостях. За последнее десятилетие уровень самоубийств с применением огнестрельного оружия вырос более чем на 40% среди молодых людей 10–24 лет (сравнение 2014 и 2023 на данных CDC WONDER в анализе Everytown).

Мы спасаем их от стрелка, но не можем спасти их от самих себя.

Истории из темноты

Я встретился с Сарой (17 лет). Она пережила стрельбу два года назад. Физически она не пострадала. Пули прошли мимо.

— Вы знаете, что самое страшное? — спрашивает она.

Мы сидим в парке, где-то вдалеке лопается воздушный шарик. Она вздрагивает всем телом, зрачки расширяются. Рефлекс.

— Самое страшное — это тишина. В школе теперь всегда тихо. Никто не смеется громко. Если кто-то роняет учебник, полкласса ныряет под парты. Она рассказывает о своем друге, Майке. Майк был капитаном футбольной команды. После стрельбы он бросил спорт. Стал агрессивным. Начал носить нож.

— Он говорит, что больше не будет жертвой, — шепчет Сара. — Он говорит, что теперь он сам хищник.

Исследования Финкельхора и других авторов показывают: пережитое насилие и «накопление» виктимизаций (поливиктимизация) связано с более тяжелыми психологическими последствиями, а также с повышенным риском проблем поведения, включая агрессивность — но не как неизбежность.

Жертва может с большей вероятностью проявлять агрессию, особенно когда травма не проработана и добавляются новые стрессоры.

ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство) часто сопровождается гипербдительностью («всё время настороже»), раздражительностью и вспышками гнева; у части людей это может выражаться и в агрессивных реакциях.

Майк не плохой. Майк просто сломан. Он усвоил урок: в этом мире есть только волки и овцы. И он больше не хочет быть овцой.

Потерянное поколение

Мы вырастили поколение, для которого школа — это не место встречи с друзьями, а зона боевых действий. Они сканируют выходы, входя в помещение. Они оценивают укрытия. Они знают, чем баррикадировать дверь. Это не паранойя. Это адаптация.

Многие подростки сообщают о беспокойстве стать жертвой школьного огнестрельного насилия; кроме того, ожидание стрельбы и некоторые практики безопасности могут усиливать тревогу.

Но тревога разъедает не только нервы. Она разъедает способность к эмпатии, к творчеству, к любви. Нельзя учить стихи, когда ты ждешь выстрела. Нельзя мечтать о будущем, когда ты не уверен, доживешь ли до выпускного.

Мы говорим о «пазловом кодировании» стрелков. Но есть и другое кодирование — кодирование жертв. Миллионы детей закодированы на страх. И этот код уже прописан в их ДНК, в их нейронных связях. Когда-нибудь они вырастут. Они станут врачами, политиками, родителями. Но в глубине души они останутся теми детьми, которые сидят в темном классе, зажав рот рукой, и слушают шаги в коридоре.

Что за мир они построят, эти дети подземелья? Я боюсь ответа на этот вопрос.

Часть III. Исцеление

Глава 9. Биржа слез

Анализ благополучателей: Рейтинги, Политика и Индустрия страха

Дождь за окном сменился мокрым снегом, засыпающим город безразличным белым шумом. Я смотрел на биржевые сводки. После некоторых резонансных массовых расстрелов акции отдельных оружейных компаний краткосрочно росли — но это не универсальный закон: исследования на больших выборках находят и средний отрицательный эффект для акций производителей.

Но было бы ошибкой — и пошлой конспирологией — полагать, что некий тайный совет директоров планирует трагедии в прокурорских кабинетах.

Реальность куда прозаичнее и оттого страшнее. Мы имеем дело не с заговором, а с экосистемой. С идеально отлаженным рынком, где насилие стало валютой, конвертируемой в политический капитал, эфирное время и государственные контракты.

Экономика внимания

Когда происходит трагедия масштаба Паркланда или Ювальде, новостные агрегаторы сходят с ума. Алгоритмы, заточенные на удержание внимания, выносят наверх самые кровавые, самые эмоционально заряженные детали. Это не злой умысел редакторов, это механика бизнеса. Трагедия продается лучше, чем надежда.

В 2023 году организация Everytown зафиксировала 158 случаев стрельбы на территории школ. Масштаб и повторяемость этих событий

обеспечивают им огромный общественный и медийный резонанс, который легко превращает преступников в узнаваемые фигуры.

Это создает «сверхзвезд» из убийц, предоставляя им эфирное время стоимостью в миллионы долларов. Эта героизация — побочный продукт погони за кликами, но для одинокого подростка в темной комнате она выглядит как обещание славы.

Политическая поляризация как ресурс

Второй слой этого пирога — политика. Школьные стрельбы перестали быть вопросом общественной безопасности; они стали топливом для политической машины. Вместо объединения нации, каждый выстрел раскалывает её.

Исследования, проведенные Reeping и соавторами (опубликованы в 2022 году), показывают пугающую арифметику этого раскола: в штатах с более слабыми законами об оружии и более высоким уровнем его распространенности статистически фиксируется больше случаев стрельбы в школах.

Отдельная линия исследований, посвящённых детской и подростковой смертности, показывает: более мягкое оружейное законодательство связано с более высокой смертностью детей от огнестрельного оружия.

Статистика, публикуемая Everytown, в целом указывает на устойчивую связь: чем строже оружейные законы, тем ниже уровень насилия с применением оружия

Казалось бы, выводы очевидны. Но на политическом рынке эти данные не аргумент, а повод для войны. Ужесточение законов мобилизует консервативный электорат под лозунгом «Они хотят забрать ваши винтовки». Расслабление законов мобилизует либеральный электорат. Трагедия конвертируется в голоса. Пока политики спорят, маятник

качается, и в зазорах между законами дети находят доступ к родительскому оружию — исследования показывают, что в значительной доле школьных стрельб оружие было взято именно из дома, а не приобретено на чёрном рынке, что делает вопрос безопасного хранения ключевым.

Индустрия «Школьной крепости»

Но одним из ключевых бенефициаров этого страха стала индустрия безопасности. В ответ на тревогу родителей рынок предложил не устранение причин, а набор технических решений, эффективность которых остается спорной. Школы превращаются в режимные объекты. Металлодетекторы, пуленепробиваемые парты, системы распознавания лиц, прозрачные рюкзаки. Речь идёт о рынке с оборотом в миллиарды долларов.

Однако анализ, проведенный командой Katsiyannis, приводит к обескураживающему выводу: усиление присутствия школьных офицеров безопасности и ужесточение физического контроля не показали устойчивого снижения частоты или тяжести школьных стрельб.

Во многих случаях массовые убийцы в школах являются действующими или бывшими учениками этих же школ. Они знают, где стоят камеры. Они знают расписание охраны. Они — часть системы, и потому чисто физические барьеры имеют ограниченную эффективность. Никакая бронированная дверь не способна остановить того, кто уже находится внутри.

Глава 10. Протоколы тишины

Практические меры защиты: от логики к этике

«Мы не можем запретить дождь, но мы можем починить крышу. И перестать, наконец, молиться на грозу».

Откинув коммерческие интересы производителей «безопасности» и политические лозунги, мы остаемся с сухим остатком научно обоснованных мер. Они не требуют миллиардных вложений. Они требуют этической воли.

Я собрал эти меры в то, что эксперты называют «Протоколом деактивации». Это антидот к системе пазлового кодирования.

1. Политика «No Notoriety»: Имя как табу

Первый шаг — лишить зло его главного трофея: имени. ФБР и центр ALERRT поддерживают кампанию Don't Name Them («Не называйте их»), призывая смещать фокус с нападавшего на жертв, выживших, тех, кто остановил атаку, и на сообщества, которые затем помогают людям пережить травму.

Логика проста: часть нападавших действительно ориентирована на славу — и медийная раскрутка может подпитывать эффект подражания.

Практическая мера должна быть не карательной, а профессионально-этической: минимизировать употребление имени, не выносить его в заголовки, не ставить крупные фото, не романтизировать биографию, не превращать преступника в «персонажа»; исключение — ситуации, когда преступник в розыске.

Вместо «Монстра из [Города N] с глубоким внутренним миром» должен быть «подозреваемый», «преступник». Лишение «славы» в медийном поле разрушает сценарий героизации: если некого косплеить — цепь подражания слабеет.

2. Медиаграмотность как иммунитет

Если мы не можем очистить интернет от «пазлов» насилия, мы должны научить детей их не собирать. Медиаграмотность в 2025 году — это не про то, как отличить фейк от правды. Это про психогигиену. Это обучение тому, как алгоритмы манипулируют эмоциями. Школьные программы должны включать блоки по деконструкции контента. Подросток должен понимать: когда он видит «крутой» эдит со стрельбой под музыку Phonk, это не бунт против системы. Это манипуляция, цель которой — монетизировать его агрессию. Понимание механики манипуляции убивает магию воздействия.

3. Школьный климат: От надзора к связям

Вместо превращения школ в тюрьмы и бесконечного наращивания физического контроля, необходимо инвестировать в «человеческую инфраструктуру». CDC подчёркивает, что связанность со школой и поддерживающие отношения со взрослыми связаны с меньшей вероятностью насилия и других рисков.

- Психологическая доступность: Норматив «один психолог на 1000 учеников» — это фикция. Нужны мобильные кризисные группы.

- Система оценки угроз (Threat Assessment): Не карательная, а поддерживающая с ранним вмешательством и планом помощи, а не с автоматическим изгнанием «странного» ученика. Изоляция — это катализатор. Интеграция — это гашение реакции.

4. Законы CAP (Child Access Prevention)

Это самая прагматичная и действенная мера из всех законодательных. Исследования показывают, что законы, требующие безопасного хранения (CAP), связаны со снижением самоубийств и самоповреждений у молодых, а также с уменьшением части форм молодёжного огнестрельного насилия.

Большинство школьных стрелков не покупают оружие у дилеров. Они берут его в спальне родителей. Ответственность взрослых за хранение должна быть абсолютной. Замок на оружейном сейфе — это самый

дешевый и самый эффективный барьер между подростковой импульсивностью и необратимой трагедией.

5. Детоксикация языка

Мы должны перестать использовать язык войны в школах. Никаких «зачисток», «нулевой толерантности», приводящей к криминализации мелких проступков. Восстановительное правосудие и службы примирения помогают укреплять доверие и связи в школе, снижая градус напряжения без дубинок и показательных наказаний.

Спасение не в новых гаджетах. Спасение в возвращении человечности в систему, которая стала слишком цифровой и бюрократической.

Глава 11. Ошибка кода

Исповедь выжившего (который не выстрелил)

«Вы спрашиваете, как я дошел до края? Я не шел. Меня везли. Это было... комфортно. Уютно даже. Представьте, что вы живете в комнате, где стены сделаны из зеркал. Кривых зеркал. В одном ты урод. В другом — слабак. В третьем — невидимка. Школа — это такой лабиринт. Учителя смотрят сквозь тебя. Одноклассники видят в тебе только мишень для шуток. Ты кричишь, но звука нет. Словно ты за стеклом.

А потом ты открываешь телефон. И там... там другие зеркала. Там тебе говорят: «Ты не невидимка. Ты просто спишь. Но ты можешь проснуться».

Я помню первый было видео. Просто нарезка из новостей про Колумбайн, но музыка... такая тягучая, темная. И комментарии. Тысячи людей пишут: «Легенды», «Боги», «Они показали им всем». И вдруг щелчок. Щелк. Я подумал: «А ведь они были как я. Их тоже не видели. А теперь их видит весь мир».

Это как наркотик. Ты начинаешь искать еще. Алгоритм понимает тебя лучше, чем мать. Он подкидывает тебе статьи про «естественный отбор». Видео с инструкциями. Форумы, где обсуждают «High Score» — счет убийств. Тебе кажется, что это ты ищешь информацию. Но это не так. Это информация ищет тебя. Она собирает тебя заново. Ты перестаешь видеть людей. Ты видишь «NPC». Ботов. Биомусор. Если они боты, то их не жалко. Если они не настоящие, то убийство — это не грех. Это просто удаление лишних файлов.

Я был готов. Я знал дату. Я знал маршрут. У меня был «ключ» — отцовский сейф. Код 1984, год рождения. Смешно, да? У меня всё сложилось в голове. Это была идеальная программа. Я чувствовал себя сильным. Впервые в жизни я был не жертвой, я был Судьей.

Но потом... произошел сбой. Глитч. За день до «даты» я сидел в столовой. Один, как всегда. Планировал сектора обстрела. И тут подошла она. Девчонка из параллельного. Ленка. Обычная, смешная, вечно с растрепанной косой. Она не знала, кто я. Она не знала, что я уже «Бог». Она просто поставила передо мной поднос и сказала: «У тебя шнурок развязался. Упадешь же». И улыбнулась. Не зло. Не насмешливо. Просто... по-человечески.

И всё рухнуло. Я посмотрел на шнурок. Потом на неё. В моей программе «судьи» не было модуля для «заботы». В моем мире NPC не улыбаются тебе просто так. Этот маленький, глупый, случайный поступок... он вбил клин в механизм. Я вдруг увидел ее живой. Я увидел, как пульсирует жилка у неё на шее. И я понял, что если я сделаю то, что хотел, эта жилка перестанет биться. Не у «бота». У Ленки.

Меня начало трясти. Физически. Меня скрутило так, что я чуть не упал со стула. Я побежал в туалет. Меня рвало. Я смотрел в зеркало и видел не «Бога». Я видел перепуганного мальчишку, которого чуть не сожрал вирус. Я понял, что все это время я не «просыпался». Я умирал. Меня кодировали, как дешевую программу, на уничтожение. Мои мысли

были не моими. Моя ярость была не моей. Это был чужой сценарий, загруженный в мою пустоту.

В тот вечер я не открыл сейф. Я открыл дверь комнаты и пошел к отцу. Я сказал: «Папа, мне плохо. Помоги». Это было самое трудное, что я сделал в жизни. Сложнее, чем нажать на курок. Нажать на курок — это слабость. Это сдача в плен алгоритму. А попросить помощи... отказаться быть убийцей, когда у тебя в руках сила... Может быть, это и есть свобода? Может быть, это и есть единственный способ победить в этой игре — отказаться в неё играть?

Я не знаю, простит ли меня Бог за те мысли, что были у меня в голове. Но я знаю одно: я жив. И Ленка жива. И другие. Я сломал код. Но сколько еще таких, как я, сидят сейчас перед экранами и ждут, когда сложится последний пазл? И кто подойдет к ним, чтобы сказать про развязавшийся шнурок?»

Глава 12. Перекрёсток

Диалог на руинах.

Кухня была маленькой, прокуренной и стерильно чистой. Той пугающей чистотой, которая наступает в доме после обысков, когда все вещи перевернуты, а потом сложены обратно с неестественной аккуратностью, потому что хозяевам больше нечем заняться, кроме как протирать пыль.

На столе между нами остывал чай. Напротив меня сидел Алексей. Отец. Не жертвы. Стрелка.

В общественном сознании у таких людей нет права на голос. Они — прокаженные. Общество требует от них покаяния, но даже если они сожгут себя на площади, этого будет мало по мнению некоторых

представителей общества. Но я пришел к нему не за покаянием. Я пришел, чтобы проверить последний элемент теории «пазлового кодирования».

Слепая зона любви

— Вы думаете, я монстр, — сказал Алексей. Голос у него был тихий, шелестящий, словно связки атрофировались от долгого молчания. — Или что я алкоголик, который бил сына ремнем. Или что я учил его ненавидеть.

Он поднял на меня глаза. Обычные глаза, выцветшие от горя.

— Я купил ему тот компьютер. Самый мощный. Игровую видеокарту. Я думал: пусть сидит дома. На улице наркотики, на улице драки, плохая компания. А дома безопасно. Дома он под присмотром. За стеной.

Он горько усмехнулся.

— Я сам провел кабель, по которому к нему пришла смерть. Я думал, стены защищают. Но у цифрового яда нет стен.

В этом признании была вся трагедия современного родительства. Мы строим крепости из кирпича, не понимая, что троянский конь уже давно стоит в детской, мигая светодиодами роутера.

Сравнительная география боли

— Алексей, — осторожно начал я. — Вы читали отчеты?

— Я читал всё, — перебил он. — Я знаю статистику лучше вас. Я знаю, что в Японии такие вещи происходят крайне редко. Я знаю, что во многих европейских странах уровень огнестрельного насилия заметно ниже. Я спрашивал себя: почему? Разве мой сын был злее японского подростка? Разве у него было больше поводов для ненависти?

Я достал из папки распечатки сравнительного анализа.

— Дело не в злости, — сказал я, стараясь говорить сухо, чтобы не сорваться в эмоции. — Психические трудности у подростков — не уникальная «американская болезнь»: по оценкам ВОЗ и ЮНИСЕФ, значимая доля подростков во всём мире сталкивается с психическими расстройствами. Но уровни и контексты различаются, и сами по себе депрессия и буллинг не превращаются автоматически в бойню.

Буллинг есть везде. Но есть факторы, которые превращают депрессию в бойню.

— Один из них: доступность. В штатах с более строгими правилами оборота оружия школьных расстрелов в среднем меньше, чем там, где оружие — часть домашнего интерьера. Reeping и соавторы в 2022 году показали статистическую связь: более мягкие оружейные законы и более высокая распространённость оружия связаны с более высокими темпами школьных стрельб в системе K-12.

Но есть и еще один фактор.

— Одиночество? — спросил Алексей.

— Отчуждение. В культурах, где сильны горизонтальные связи, где «стыдно» перед соседями, подросток реже выпадает в вакуум. А мы... мы создали культуру капсул. Ваш сын был в капсуле. Вы были в капсуле. Я в своей редакции — тоже в капсуле.

Механика вины

Алексей сжал стакан так, что побелели пальцы.

— Знаете, что самое страшное? Я не видел перемен. Не было никакого «вдруг». Он не стал носить черное. Он не рисовал свастики. Он просто стал... тише.

Он встал и подошел к окну. За стеклом мигал огнями город, равнодушный и огромный.

— Он приходил из школы и садился за монитор. Я думал: «Учится». Или «Играет». А он... он собирал себя заново. По кусочкам. Мем про неудачников. Видео про «естественный отбор». Чат, где его называли «богом» за то, что он пообещал отомстить.

Алексей повернулся ко мне. В его глазах стояли слезы, которые не текли.

— Скажите мне, журналист. Вы пишете про «пазловое кодирование». Вы говорите, что их программируют алгоритмы. Значит, он не виноват? Значит, это не его воля, а сбой программы? И если подросток — лишь жертва информационной индоктринации, то кто нажимает на курок?

— Я не могу его оправдать, — честно сказал я. — Он убил. Это факт. Но я не могу обвинить только его.

Я почувствовал, как к горлу подступает ком.

— Мы все держали палец на этом спусковом крючке, Алексей. Я — когда писал статьи, делая из предыдущих стрелков рок-звезд. Школа — когда закрывала глаза на травлю, чтобы не портить отчетность. Политики — когда торговали страхом ради рейтингов. И вы... когда думали, что «сыт и одет» — это всё, что нужно ребенку.

Свобода воли в эпоху алгоритмов

— Но у него был выбор! — вдруг закричал Алексей. — У него был выбор не брать ключи от сейфа!

— Был, — согласился я. — До определенного момента. Пока количество «пазлов» в голове не достигло критической массы. Пока зеркальные нейроны не переписали реальность. Эксперты называют это «туннелем». В какой-то момент туннель сужается настолько, что свет виден только в конце. И этот свет — дульная вспышка.

Мы замолчали. Тишина была тяжелой, как могильная плита.

— И что теперь? — спросил он наконец. — Если это система, если это код... разве можно это остановить?

— Можно, — сказал я. — Но не металлоискателями.

Я вспомнил историю про парня, который не выстрелил, потому что ему улыбнулась девочка и сказала про развязавшийся шнурок.

— Возможно код ломается и об эмпатию, Алексей. Единственное, что алгоритм не может просчитать — это человечность. Искреннюю, не по протоколу. Если бы хоть один учитель спросил вашего сына: «Как ты на самом деле?», а не «Почему ты не сдал тест?»... Если бы хоть один одноклассник позвал его в кино...

— Если бы я зашел в комнату и просто обнял его, вместо того чтобы спрашивать про оценки, — закончил Алексей шепотом.

Он сел и закрыл лицо руками. Плечи его дрожали. Я смотрел на него и понимал: передо мной сидит не враг. Передо мной сидит жертва. Человек, который потерял ребенка дважды: сначала — когда тот ушел в цифровую тьму, и второй раз — когда эта тьма выплеснулась наружу свинцом.

Мы — поколение, которое дало детям гаджеты, чтобы они не мешали нам жить. И теперь мы платим за этот комфорт самую высокую цену.

Эпилог. Сбой в матрице

Инструкция по выживанию для тех, кто остался

Дождь кончился. Над городом вставало бледное, холодное солнце нового дня. Я шел из дома Алексея пешком. Город просыпался. Школьники с рюкзаками шли на остановки. Я смотрел на них иначе. Я больше не видел в них «поколение Z», «цифровых аборигенов» или «будущих налогоплательщиков». Я видел хрупкие сосуды, до краев наполненные информацией.

Каждый из них несет в кармане черное зеркало. Каждому из них алгоритм прямо сейчас шепчет: «Ты недостаточно хорош. Ты одинок. Ты должен доказать им всем».

Но я видел и другое.

Я видел, как парень отдал наушник девушке. Я видел, как группа подростков смеялась, и никто не снимал это на телефон. Я видел жизнь.

Манифест надежды

Это расследование началось как попытка понять анатомию убийства. А заканчивается оно как анатомия надежды. Теория «пазлового кодирования» страшна своей фатальностью. Она говорит нам: вы — продукт среды. Вы — сумма потребленного контента. Но это ложь. Самая большая ложь, которую продает нам индустрия отчаяния.

Человек — это не просто сумма входящих данных. У нас есть то, чего нет у нейросети. У нас есть способность совершить ошибку в коде. Способность простить, когда логика требует мести. Способность помочь, когда инстинкт требует бежать. Способность увидеть в «NPC» — живого человека.

К тебе, читающему эти строки

Если тебе пятнадцать, и ты читаешь это. Если ты чувствуешь, что мир сжимается вокруг тебя. Если тебе кажется, что тебя никто не слышит, а в сети ты нашел тех, кто предлагает «простое решение». Знай: это может быть код. Уверен ли ты в том, что тебя не пытаются собрать, как дешевый конструктор, чтобы использовать и выбросить. Не дай им этого сделать.

Ты — не пазл. Ты — целая вселенная.

Не пересылай видео с насилием. Поговори с родителями, даже если кажется, что они инопланетяне (они просто напуганы не меньше тебя).

Нам нужно мужество быть добрым в мире, который монетизирует злобу.

И всё же в данных за 2025 год есть осторожная надежда: по ряду показателей огнестрельного насилия и школьных инцидентов фиксировали снижение по сравнению с предыдущими годами.

Мы учимся. Мы просыпаемся. Битва за будущее идет не в конгрессе и не в полицейских участках. Она идет прямо сейчас, в твоей голове, пока твой палец завис над экраном смартфона.

Что ты выберешь? Сделать репост ненависти? Или выключить экран, поднять глаза и увидеть, что шнурок у идущего рядом развязался и проявить заботу?

Выбор за тобой. И это единственная власть, которую у тебя никто не может отнять.

Список литературы и источников

1. Advanced Law Enforcement Rapid Response Training (ALERRT) Center. (2023). Don't Name Them Campaign [Campaign guidelines]. Texas State University. <https://alerrt.org/dont-name-them>
2. Centers for Disease Control and Prevention. (2024). WISQARS™: Web-based Injury Statistics Query and Reporting System [Interactive database]. U.S. Department of Health and Human Services. <https://www.cdc.gov/injury/wisqars/index.html>
3. Education Week. (2025). School shootings over time: 2018–2025 tracker [Interactive database and report]. <https://www.edweek.org/leadership/school-shootings-database>
4. European Court of Human Rights. (2007, November 13). Case of D.H. and Others v. the Czech Republic (Application no. 57325/00) [Grand Chamber judgment]. HUDOC. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83256>
5. European Court of Human Rights. (2010, June 15). Case of Grzelak v. Poland (Application no. 7710/02) [Chamber judgment]. HUDOC. <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99295>
6. Everytown for Gun Safety. (2024, August). Gunfire on school grounds in the United States [Research & policy report]. Everytown Research & Policy. <https://everytownresearch.org/report/gunfire-on-school-grounds/>

7. Federal Bureau of Investigation. (2023). Active shooter incidents in the United States in 2022 [Report]. U.S. Department of Justice.
8. Finkelhor, D., Turner, H. A., Shattuck, A., & Hamby, S. L. (2015). Prevalence of childhood exposure to violence, crime, and abuse: Results from the National Survey of Children's Exposure to Violence. *JAMA Pediatrics*, 169(8), 746–754.
9. Jetten, J., Haslam, S. A., Cruwys, T., Greenaway, K. H., Haslam, C., & Steffens, N. K. (2020). *The social cure: Identity, health and well-being* (2nd ed.). Psychology Press.
10. Johnston, J., & Joy, A. (2016, August). Mass shootings and the media contagion effect [Conference paper/presentation]. American Psychological Association Annual Convention, Denver, CO. <https://www.apa.org/news/press/releases/2016/08/media-contagion-effect.pdf>
11. Katsiyannis, A., Rapa, L. J., Whitford, D. K., & Scott, S. N. (2023). An examination of US school mass shootings, 2017–2022: Findings and implications. *Advances in Neurodevelopmental Disorders*, 7(3), 309–319.
12. Lankford, A., & Tomek, S. (2017). Mass killings in the United States from 2006 to 2013: Social contagion and public attention. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 47(6), 718–727.
13. Lankford, A. (2016). Fame-seeking rampage shooters: Initial findings and empirical predictions. *Aggression and Violent Behavior*, 27, 122–129.

14. Loftus, E. F. (2005). Planting misinformation in the human mind: A 30-year investigation of the malleability of memory. *Learning & Memory*, 12(4), 361–366.
15. Meindl, J. N., & Ivy, J. W. (2017). Mass shootings: The role of the media in promoting generalized imitation. *American Journal of Public Health*, 107(3), 368–370.
16. National Center for Education Statistics & Bureau of Justice Statistics. (2024, July). Indicators of school crime and safety: 2023. U.S. Department of Education & U.S. Department of Justice.
17. Reeping, P. M., Cerdá, M., Kalesan, B., Wiebe, D. J., Galea, S., & Branas, C. C. (2022). State firearm laws, gun ownership, and K-12 school shootings: Implications for school safety. *Journal of School Violence*, 21(1), 1–13.
18. Riedman, D. (2025). K-12 School Shooting Database: Data analysis — School shootings 1966–2025. K12 School Shooting Database. <https://k12ssdb.org>
19. Rizzolatti, G., & Craighero, L. (2004). The mirror-neuron system. *Annual Review of Neuroscience*, 27, 169–192.
20. Siegel, D. J. (2014). *Brainstorm: The power and purpose of the teenage brain*. TarcherPerigee.
21. The Violence Project. (2024). Mass shooter database [Interactive database].<https://www.theviolenceproject.org/mass-shooter-database/>

22. Towers, S., Gomez-Lievano, A., Khan, M., Mubayi, A., & Castillo-Chavez, C. (2015). Contagion in mass killings and school shootings. PLoS ONE, 10(7), Article e0117259.
23. United States Holocaust Memorial Museum. Propaganda and education: The poisonous mushroom [Exhibition/educational resource]. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/the-poisonous-mushroom>